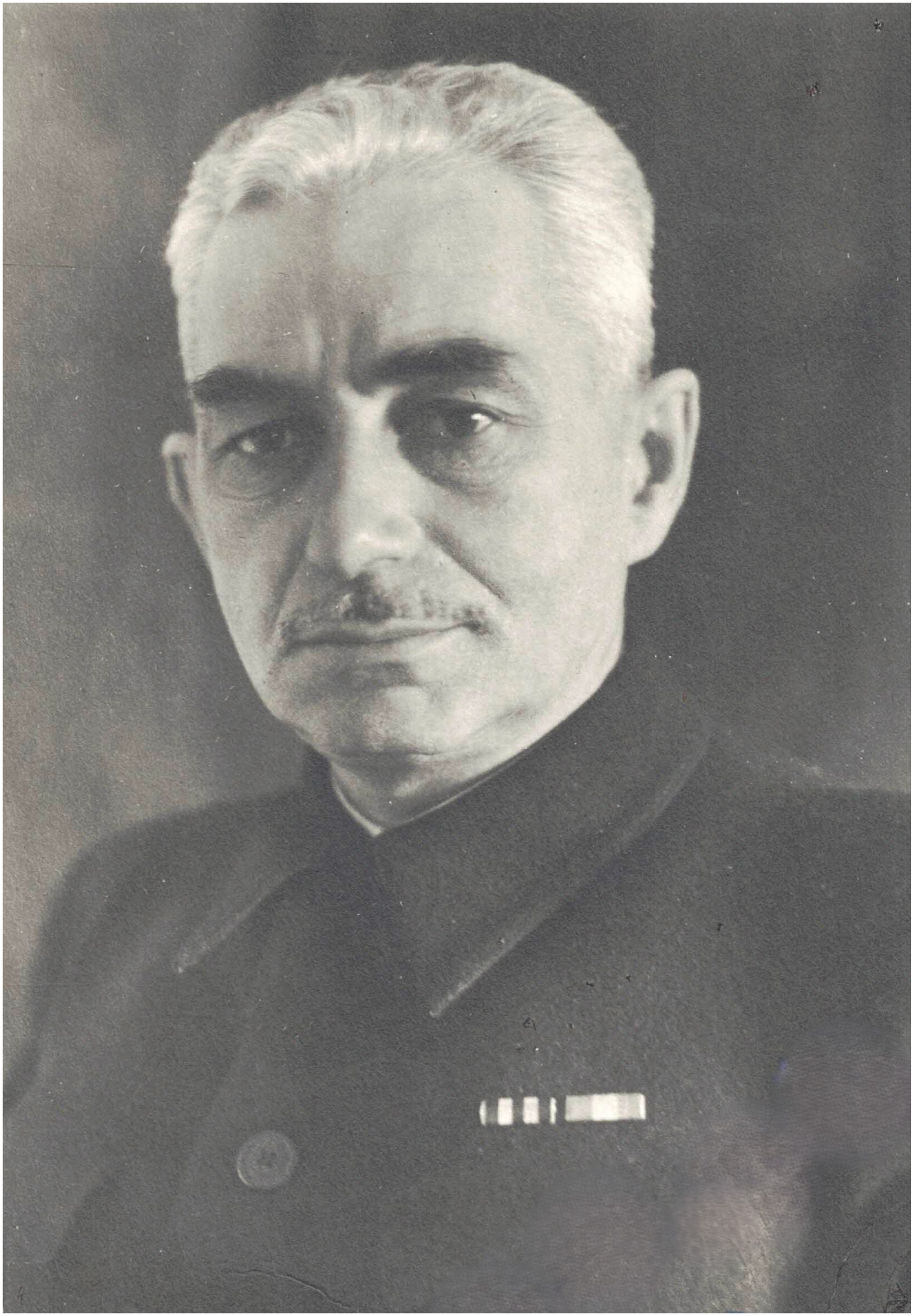
Часть 4. Илья Фрейдман и его дочь Юнона

Илья Самойлович Фрейдман

В одной из предыдущих частей этих воспоминаний о моём детстве я рассказал читателям о лучшем друге моего отца, украинском поэте, писателе и переводчике Игоре Муратове. У отца был еще один близкий друг, с которым он познакомился несколько позже, чем с Игорем Леонтьевичем. О нем я и хочу рассказать в этой главе. Речь пойдет об инженере-архитекторе Илье Самойловиче Фрейдмане, директоре харьковской Скульптурной фабрики. Отец познакомился с ним по работе, еще будучи заместителем начальника Отдела искусств Облисполкома, но близко они сошлись позже, когда отца назначили художественным руководителем и замдиректора Скульптурной фабрики.

Илья Самойлович был почти на 8 лет младше моего отца, но их связывало много общего – интеллигентность, начитанность, общая эрудиция, твёрдость характера, любовь к искусству, чувство юмора. По образованию Илья Фрейдман – инженер-архитектор. Его женой была пианистка Елена Стефановна Каражеляскова, имеющая польско-болгаро-украинские корни. В молодости Елена считалась одной из самых красивых женщин Харькова, имела ошеломляющий успех у мужчин и ее внимания добивались многие представители местной богемы. По легенде, среди её страстных поклонников был даже известный композитор, «король танго» Оскар Строк. Но Елена отдала своё сердце талантливому архитектору, красавцу Илье Фрейдману. В июле 1933 года, в Харькове, у них родилась дочь, которую назвали Юноной. Имя ей выбрал отец – в честь древнеримской богини, супруги Юпитера и матери Марса, считавшейся защитницей Рима. Вообще-то отец очень ждал сына, но, как рассказывала сама Юнона, «родилась я, наверное поэтому с мужским характером на всю последующую жизнь».



Мой отец Али-бек Заир-Бек, снимок 1949 г.

Елена Стефановна Каражеляскова, довоенный снимок

Илья Самойлович рассказывал моему отцу о своих невесёлых «приключениях» во время войны. Летом 1941-го года, когда немцы приближались к Харькову, он отправил семью к родственникам в Пензу, а сам занимался эвакуацией харьковских предприятий, их оборудования и персонала, на Восток. Илья находился в городе практически до входа в него немецких войск. Выехать со всеми ему по какой-то причине не удалось, поэтому пришлось уходить из города самостоятельно, пешком. Когда Илья добрался до Пензы, то Юнона в обросшем, грязном и хромом мужчине с тележкой сразу даже не признала отца. Илью Самойловича командировали в Барнаул на строительство военного завода, но везти туда семью он побоялся, поэтому оставил Елену и Юнону у знакомых в Новосибирске. Однако сибиряки приезду «гостей», мягко говоря, не обрадовались. Продуктов практически не было, доедали то, что осталось ещё с Пензы, а потом искали очистки на помойках, варили баланду. Так пережили зиму. Весной им выделили небольшой участок земли под огород. Там они стали выращивать овощи, что позволило как-то решить вопрос с продовольствием.

В сентябре 1942 года мама отправила Юнону в школу. Как и другие школьницы, по

ночам она укладывала в ящики артиллерийские снаряды на военном заводе, а утром отправлялась в госпиталь — читать почту и стихи раненым бойцам Девочка делала это так проникновенно, что получала в награду аплодисменты и улыбки. “Наверное, именно тогда я и поняла, чему посвятить свою жизнь — стать актрисой”, — рассказывала позже Юнона. В августе 1943 года Харьков был освобождён от немецкой оккупации. Город лежал в руинах, и Илью Фрейдмана, опытного инженера-архитектора, вызвали на восстановление города. Уезжая в Украину, он пообещал забрать семью при первой же возможности. Однако Елене и дочке снова пришлось некоторое время пожить без отца, пока не пришёл от него вызов. Они возвращались в родной город вместе с харьковским театром русской драмы, который был в 1941 году эвакуирован, но продолжил работу на сценических площадках Улан-Удэ, Хабаровска и Иркутска. Во время долгой дороги домой Юнона познакомилась с артистами театра и даже по вечерам читала им стихи. На нее обратил внимание главный режиссер театра Александр Григорьевич Крамов, народный артист СССР. Позднее, уже в Харькове, он приглашал ее на детские роли в спектаклях театра и давал ей первыеуроки актерского мастерства. А значительно позже он же порекомендовал заканчивавшей школу девушке поступать в столичный театральный вуз.

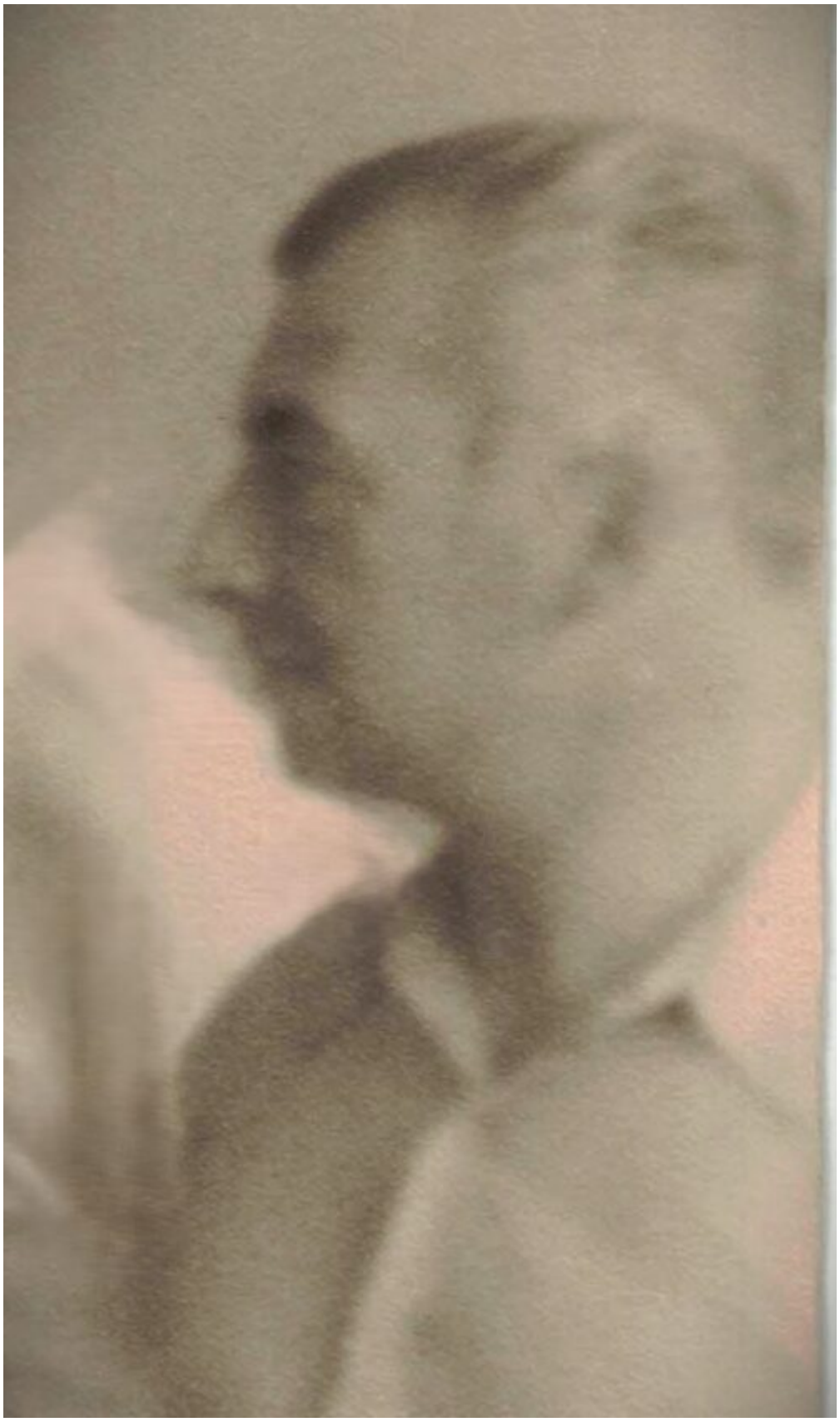
Когда мой отец в 1948 году познакомился с Ильёй Самойловичем поближе, а затем они подружились, то вскоре стали дружить и семьями. У Фрейдманов была шикарная по тем временам трёхкомнатная квартира в центре города. Два или три раза родители брали меня с собой к ним на какие-то семейные или советские праздники. Многого я не запомнил, разве что очень красивое фортепиано, на котором прекрасно играла Елена Стефановна, и замечательную библиотеку, собранную библиофилом Ильёй Самойловичем. Юнона была старше меня ровно на пять лет, почти день в день, а в детстве такая разница в возрасте играет существенную роль. Запомнились ее длинные косы с бантами, а в общем я её очень стеснялся, сказывалось, видимо, еще и «раздельное» воспитание в мужской школе. Дома Юну все обожали и баловали, особенно отец, который души не чаял в дочке, с каждым годом становившейся все краше и краше. Однако семья в целом никогда не была для Ильи на первом месте, работа была для него почти всем. Поэтому, как мне казалось, атмосфера у них в доме была какая-то напряженная.

Юнона Фрейдман в детские годы, снимок 1940-х гг.

Несколько раз я слышал от родителей, что у Фрейдманов растёт очень талантливая девочка и что она будет хорошей драматической актрисой, у неё есть для этого все задатки. Забегая немного вперёд, расскажу: когда Юнона с первой попытки поступила в московский театральный вуз, мои родители тепло поздравили Илью и Елену с успехом дочери и пожелали ей новых творческих достижений.

В 1949 году, когда Юне исполнилось 16 лет и надо было получать паспорт, то обычно её веселый отец, серьезно посмотрев на дочь, сказал, что ей нужно сменить фамилию на мамину девичью и взять национальность, как у мамы. Хорошо

известно, что в 1949-м по стране прокатилась мутная волна антисемитизма: под видом борьбы с «безродными космополитами» начались гонения на евреев. Илья Самойлович небезосновательно опасался, что у дочери из-за его фамилии творческого будущего может и не быть. Так еврейка Юнона Фрейдман стала украинкой Каражелясковой.



Инженер Илья Фрейдман, снимок 1949 г.

А Илья Самойлович оказался одним из немногих евреев в городе, которого в то страшное время не исключили из партии. Возможно, учли его заслуги по восстановлению одесского оперного театра, многих зданий в родном городе, сооружение комплекса «Стеклянная струя» в Харькове и других важных объектов.

В 1951 году Юнона, по совету А.Г.Крамова, решила поступать в Высшее театральное училище имени М.С.Щепкина в Москве, знаменитую «щепку». На вступительных экзаменах она прочитала «Зою» Маргариты Алигер и отрывок из «Анны Карениной» Льва Толстого. И ее сразу зачислили с условием похудеть и избавиться от украинского акцента.

После завершения учебы в училище в 1955 году талантливой выпускнице предложили работу не только в Харьковском театре русской драмы им. Пушкина, но и в одном из московских театров. Родители были счастливы, что дочь снова будет рядом с ними. Но судьбе было угодно, чтобы все произошло иначе. Юнона вышла замуж за своего однокурсника Всеволода Платова. Вскоре молодые люди уехали в Татарию, став актерами Казанского драматического театра. Кто-то из местных режиссеров заметил, что у неё труднопроизносимая и слишком длинная фамилия – Каражеляскова. Тогда актриса взяла себе псевдоним и приобрела известность уже как Юнона Карева.

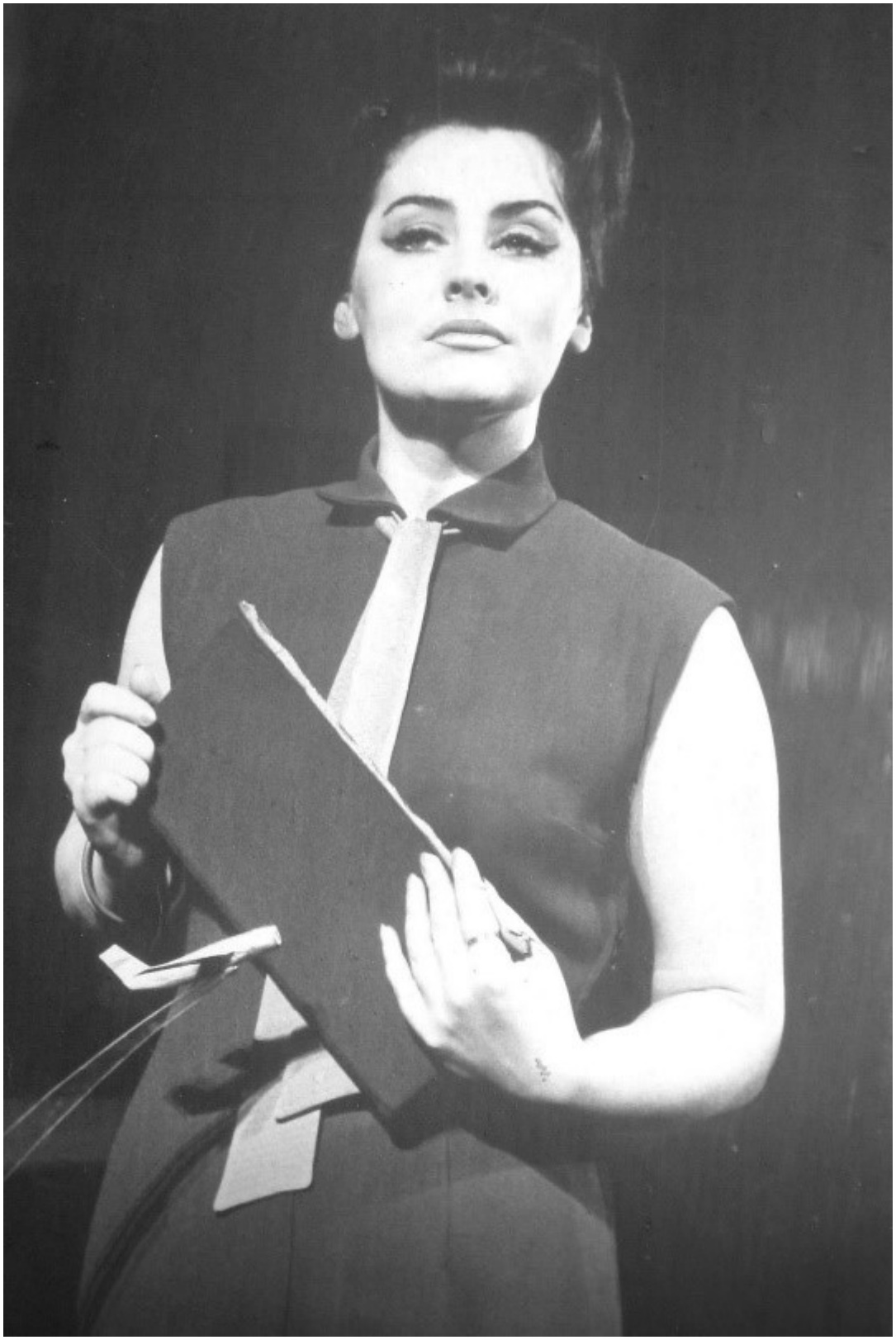
Юнона Каражеляскова в юности

Юнона Карева с сыном Сергеем, 1964 г.

Но крепкого брака с Севой Платовым не получилось. Вскоре супруга пригласили на работу в Москву. Он уехал, а Юнона осталась служить в казанском театре. Вторым мужем актрисы стал режиссер Станислав Говорухин. Они познакомились, когда Станислав работал на местном телевидении в Казани. Как вспоминал С.Говорухин, он практически украл свою жену прямо со сцены. В 1961 году у пары родился сын Сергей.

А вскоре после этого Говорухин уехал в столицу на учебу во ВГИК. Семейная жизнь разладилась, и пара рассталась. Однако Карева и Говорухин сохранили дружеские отношения. А в 1979 году Говорухин даже пригласил бывшую супругу в свой фильм „Место встречи изменить нельзя“, в котором она сыграла роль Галины Желтовской, гражданской жена Груздева. По иронии судьбы, эта дебютная роль в кино стала для Юноны самой известной её ролью в кинематографе.

Кадр из фильма „Место встречи изменить нельзя“, 1979 г.



Юнона Карева на сцене

Актриса снялась ещё в четырех картинах, но успеха они ей не принесли. Зато в Казанском драмтеатре им. В.И.Качалова Юнона Карева была «примой», пользовалась необыкновенной любовью зрителей, казанские театралы ходили «на Кареву». Юнона Ильинична получила почётные звания «Заслуженная артистка Республики Татарстан» и «Заслуженный деятель искусств РФ», прослужив в казанском театре 37 лет, до 1992 года. Еще в 1971 году Юнона Карева набрала

свой первый курс в Казанском театральном училище, а затем выпустила целую плеяду великолепных актеров, среди которых знаменитая Чулпан Хаматова.

В конце 2011 года сын Каревой — известный кинорежиссёр, сценарист, продюсер и писатель Сергей Говорухин скончался от инсульта. Смерть сына подкосила актрису, и 27 мая 2013 года ее не стало. Тело Юноны Каревой, умершей в Казани, согласно её завещанию, кремировали, а урну с прахом захоронили в могиле сына на Троекуровском кладбище в Москве.

Юнона Карева в пожилом возрасте

Памятник И.Е.Репину в г.Чугуеве Харьковской обл., современный снимок

Но вернемся к рассказу об Илье Самойловиче Фрейдмане. В конце 50-х – начале 70-х гг. прошлого века он продолжил трудиться на Харьковской государственной скульптурной фабрике, участвовал в проектировании и установке ряда объектов в Харькове и области, в том числе памятников выдающимся землякам. Так, в 1956 году в г. Чугуеве Харьковской обл., на родине художника И.Е.Репина, в торжественной обстановке был открыт памятник знаменитому живописцу. Памятник изготовили на Скульптурной фабрике по проекту выдающегося советского скульптора Матвея Манизера, автора памятника Т.Г.Шевченко в Харькове, а также известного харьковского архитектора Бориса Клейна и инженера-архитектора Ильи Фрейдмана. Матвей Манизер взял за основу известный автопортрет Репина 1887 года. Бюст был установлен на постаменте из чёрного лабрадорита, внизу которого удачно вмонтированы неизменные атрибуты художника – палитра и кисти, выполненные из бронзы.

Авторы памятника выдающемуся украинскому педагогу Антону Макаренко – харьковский скульптор Михаил Овсянкин, архитектор Эдуард Черкасов и инженер Илья Фрейдман. Памятник был открыт в 1969 г., в сквере напротив главного входа в ЦПКиО им. Горького. В нижней части постамента изображены фигуры героев произведений Макаренко «Педагогическая поэма» и «Флаги на башнях». В октябре 2011 года памятник был демонтирован под предлогом переноса на территорию завода «ФЭД», который был создан в 1927 году на базе небольших мастерских Детской коммуны им. Ф.Э.Дзержинского, руководимой А.С.Макаренко.

Памятник А.С.Макаренко в Харькове, снимок 2011 г.

Илья Самойлович сыграл определённую роль и в мой судьбе. Когда я после окончания школы поступал в Политехгический институт, то отец попросил своего друга, как инженера, порекомендовать, на какой факультет мне лучше поступать. Илья Самойлович посоветовал совсем непрестижный машиностроительный факультет. Но я никогда не жалел, что учился именно там, и был благодарен другу отца за хороший совет.

Когда в 1955 г. мой отец ушёл из жизни, то на прощании со своим другом Илья Самойлович произнес очень тёплую, прочувствованную речь. И после смерти мужа, до своего отъезда в Ленинград в 1966 году, мама поддерживала связь с Ильёй Фрейдманом и его женой Еленой.

Илья Самойлович Фрейдман умер после продолжительной болезни в 1975 г., в Харькове. Похоронен на Харьковском кладбище №2.

*****

Автор: Якуб Заир-Бек
фотографии из личного архива автора
(продолжение следует)

Все части цикла очерков „По волнам моей памяти…“